

«Самовара на сцене не будет»

Мариуш Трелиньский. — Газете

Начинаются гастроли Варшавской оперы в Москве. Поляки покажут две крайне любопытные постановки известного кинорежиссера Мариуша Трелиньского — «Король Рогер» Шимановского и «Евгений Онегин» Чайковского. С Мариушем Трелиньским встретился корреспондент Газеты Илья Кухаренко.

Что заставило кинорежиссера поставить оперу?

Честно говоря, долгое время я не интересовался оперой. Мне всегда представлялось нечто нафталиновое. Но несколько лет назад мне предложили поставить в Варшаве оперу Эльжбеты Сикоры «Вырывающий сердца» по Борису Виану, и я загорелся этой работой. Опера привлекает меня тем, что здесь нет такой жесткой привязки к реальности, как в кино. Больше условности. Конечно, условны и многие фильмы — скажем, это есть у Феллини, Курасава или Гринуэя, — но кино все равно «реальнее». В опере же все — и публика, и певцы, и режиссер — понимают: это не по-настоящему. Оперный сюжет — это всегда архетипы. Если их трактовать как реально происходящие вещи, это будет смешно. Человек не может петь и умирать в течение получаса. Кстати, я совершенно не собираюсь прекращать снимать кино в связи с моими оперными постановками.

Закономерно спросить: не собираетесь ли вы соединить два в одном и поставить фильм-оперу?

Нет. Опера — это совсем другое. Это своего рода ритуал. Этот жанр теснейшим образом связан с театром. Фильм наверняка получится скучным — я вообще-то уже сказал почему, отвечая на предыдущий вопрос.

Пласидо Доминго в превосходных степенях отозвался о вашей «Мадам Баттерфляй» и перенес ее в Вашингтонскую оперу. Что еще вы собираетесь поставить по просьбе тенориссимо? Ближайшая премьера — «Дон-Жуан» Моцарта. Его уже показали в Варшаве (это тоже совместная постановка). И скоро будет вашингтонская премьера — там за пульт

встанет Кент Нагано. Но я ставлю не только в Варшаве и Вашингтоне. В Берлине будет «Пиковая дама» с Баренбоймом. Может быть, еще «Фауст» Гуно в МЕТ. В Варшаве также, вероятно, мы поставим «Леди Макбет Мценского уезда» Шостаковича.

В Москву приедут два ваших спектакля — «Король Рогер» и «Онегин». Оперу Шимановского здесь не знают и вряд ли строго осудят режиссерские новации. С «Онегиным» другая история — не боитесь? Нет, не боюсь. Режиссер не имеет права бояться или рассчитывать на определенную реакцию публики. Это, извините за банальность, творческая смерть. Да, «Онегин» сильно отличается от того, как его ставили в России. Своего рода взгляд со стороны. Самовара на сцене не будет.

Я еще не видел спектакля, хотя слышан о нем. Но, знаете ли, даже у самых авангардных настроенных зрителей все равно в памяти эти расписные задники, снежок и меховая шапка Ленского в сцене дуэли. Вы как-то обыгрываете эти ассоциации?

Нет, я специально не заигрываю с традицией. Но отправной точкой для моих решений все же является Чайковский и его «лирические сцены». Это ведь тоже своего рода ключ к прочтению — не опера, не музыкальная драма, а сцены — отрывки, образы. Я вообще считаю, что для оперного режиссера существуют две главные «ловушки». Первая — это пойти по буквалистскому, реалистичному пути, когда на сцене все «как в жизни»: исторические костюмы, самовары и так далее. А вторая — это когда пригрезилась режиссеру эстакада или заброшенная шахта и действие неважно какой оперы переносится туда из совершенно непонятных соображений. Это из серии «я так слышу». Мы со сценографом Борисом Кудличкой все-таки стараемся придерживаться тех образов, которые продиктованы самими композиторами и либреттистами. Иногда, кстати, совершенно противоположных друг другу. Так, в «Рогере» речь идет об эросе, о дионисийском буйстве, а музыка холодная, очень математичная. Отсюда хай-тековское решение последнего акта.

Сам Дионис в вашем решении — некое андрогинное существо а-ля Мерлин Менсон. И танцуют его адепты скорее побродвейски...

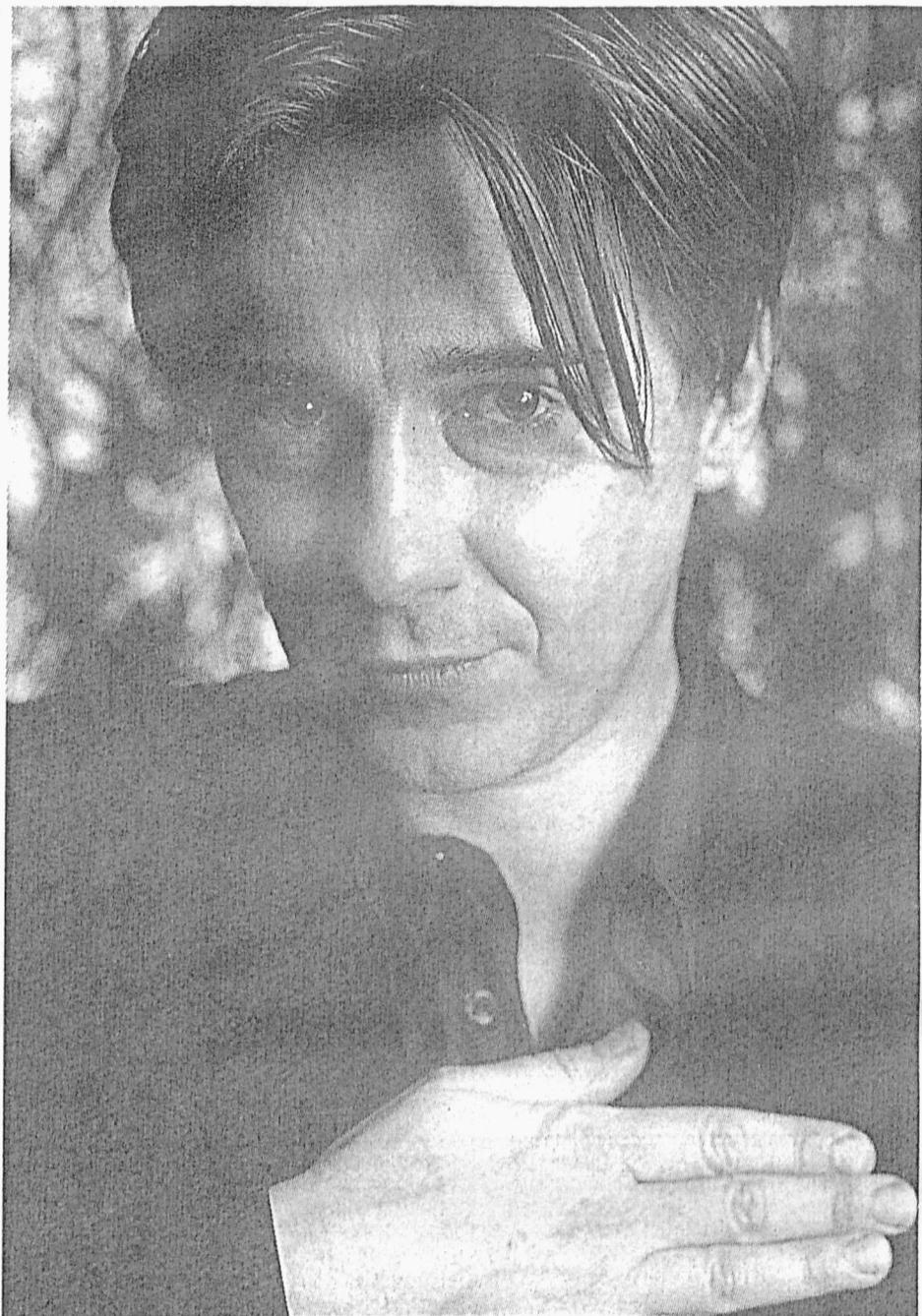
Мне кажется, что мы не отдаем себе отчета в том, в какое время мы живем. Слово unisex является ключом к осмыслению процессов, происходивших еще в начале XX века, а сегодня достигших кульминационного момента. Андрогинность Диониса была для меня самой главной установкой в интерпретации «Короля Рогера». Эта опера соткана из противоположностей, здесь смешиваются понятия: любовь-ненависть, Бог-дьявол и, наконец, мужчина-женщина. Мне кажется, что пора открыть глаза на эти проблемы и увидеть, что творится вокруг, а не упрощать их, перенося в сферу массовой культуры. Массовая культура слишком примитивна, чтобы что-либо привнести. Она является лишь кривым зеркалом, которое неестественно утрирует проблемы, происходящие в нас.

Польский драматический театр в течение последних трех-четырех десятилетий, несмотря на все идеологические проблемы, был одним из лучших в мире. Что же до оперы, то она пахла нафталином едва ли не сильнее, чем в России. Повлияли на вас искания великих польских режиссеров драмы?

Не могу сказать, что я что-то у кого-то перенял. Но те замечательные времена научили меня свободе на сцене. Скорее на меня повлияли современные европейские режиссеры. Мне очень нравится Уилсон за его дизайнерские находки, мне нравится Фраер за пластичность его постановок. Но есть у них и то, что мне не нравится совершенно, скажем, у Уилсона — его медлительность и манерность. И вообще, мне кажется, что самое важное — это быть разным. Меньше всего мне бы хотелось, чтобы, придя на мою новую постановку, зритель с первого акта мог бы с определенностью сказать: «Это поставил Трелиньский». Я не хочу, чтобы меня узнавали.

Ваше первое сильное впечатление от оперы? Это, кстати, был спектакль или запись?

Запись. Это был «Дон Жуан» — фантастический диск с Ференцем Фричаем.

Кинорежиссер Мариуш Трелиньский, снявший «Кроткую» и «Эгоистов», не побоялся показать москвичам свою версию оперы «Евгений Онегин»